

Чжу Яньинь тоже изрядно удивился. Ли Суй вошел прямо в комнату, подтащил стул и сел напротив него:

— Что я сказал тебе вчера вечером, когда опьянел?

— Ничего, — Чжу Яньинь положил ложку. — Ничего не говорил.

Ли Суй молча смотрел на него. Если бы великий злодей принял такой явно угрожающий и недоверчивый вид, большинство людей из цзянху задрожали бы от страха, чувствуя, что вот-вот распрощаются с жизнью. Но Второй молодой господин Чжу был другим. Хотя на душе у него и было беспокойно, он вовсе не думал, что умрет. Он лишь опасался, что его лицо снова грубо ущипнут, а потому вовремя проглотил плававший во рту маленький вонтон — бульк.

Ли Суй поманил его пальцем.

Чжу Яньинь, напротив, слегка отпрянул назад и добровольно признался:

— Только о походе против Демонического культа.

Взгляд Ли Суя заметно потяжелел:

— Что именно?

Чжу Яньинь без утайки, в общих чертах пересказал их короткий вчерашний разговор:

— Вот и всё, больше ничего.

Выражение лица Ли Суя, как и его душевное состояние, было неопишным. Как и говорил Цзян Шэнлинь, он не пьянел уже много лет, и прошлым вечером ему действительно не следовало выпивать те несколько кувшинов.

В зале воцарилась тишина.

Спустя некоторое время, видя, что Ли Суй так и не собирается говорить, Чжу Яньинь медленно пододвинул к нему пиалу с вонтонами: будешь?

У Ли Суя совершенно пропал аппетит. Он поднялся, дошел до двери и снова остановился.

Чжу Яньинь тут же поднял правую руку, прекрасно понимая правила игры:

— Я буду молчать, никому не скажу!

Ли Суй мысленно покачал головой и размашистым шагом покинул дворик.

Чжу Сяосуй пребывал в постоянном страхе. Он чувствовал, что если его будут так пугать каждый день, то очень скоро ему тоже придется просить помощи у Божественного целителя Цзяня.

Чжу Яньинь протянул ему сладкую булочку:

— На самом деле владыка дворца Ли не такой уж и страшный.

Чжу Сяосуй был категорически не согласен. Владыка дворца Ли не страшный? Несколько лет назад одна бесстрашная газетенка из цзянху устроила опрос: «Что бы вы предпочли: в

одинокую провести глухую ночь на кладбище для нищих, согревая постель безголовому трупу, или сойтись в поединке с тем, чье имя всем прекрасно известно?» И в итоге абсолютно все выбрали кладбище.

Чжу Яньинь твердо возразил: уж точно не все, как минимум меня в этом списке не было.

Выкроив время, он отправился навестить Цзян Шэнлиня, прихватив с собой коробку вкусных сладостей.

Цзян Шэнлинь в этот момент как раз наводил порядок в своем лекарственном ящике. Увидев гостя с гостинцем, он сразу обо всем догадался:

— Сяо Инь, ты хочешь спросить о вчерашнем вечере?

— Я слышал от владыки дворца Ли, что за убийство Читяня ему придется заплатить собственной жизнью, — прощупывая почву, спросил Чжу Яньинь. — Это правда?

Цзян Шэнлинь вздохнул:

— Это долгая история, она не имеет к тебе отношения, Сяо Инь, так что лучше не спрашивай.

— Я вовсе не хочу лезть в чужое прошлое, — поспешил объяснить Чжу Яньинь. — Просто пришел сказать вам, целитель, что если для старых ран владыки дворца Ли понадобятся какие-нибудь редкие лекарственные травы, только скажите. Мой третий дядя занимается торговлей лекарствами, а несколько кузенов часто бывают во дворце, так что раздобыть снадобья для нас не составит труда, это очень просто.

Видя его искренность, Цзян Шэнлинь тоже улыбнулся:

— Хорошо, если в будущем что-то понадобится, я обязательно к тебе обращусь и не стану церемониться.

Только тогда Чжу Яньинь успокоился и, вежливо распрощавшись, ушел.

В коробке лежала кунжутная халва, вылепленная в форме белоснежных шариков. Стоило открыть крышку, как казалось, будто ларец засыпало лепестками груши в погожий весенний день. Ли Суй толкнул дверь и, войдя, увидел, что Цзян Шэнлинь держит в руке серебряную вилочку и вертит ее так и сяк.

— Когда ты охотишься на барсуков на бахче, поза у тебя наверняка точно такая же, — обронил он.

Целитель: «...» А ну-ка проваливай.

Ларец со сладостями был сделан настолько изящно, что и гадать не нужно было, из чьих рук он получен. Ли Суй взял один белоснежный шарик — рассыпчатое слоеное тесто, разумеется, так себе ложилось в пальцы, — но все же съел его с легким пренебрежением, после чего потребовал:

— Дай мне еще два флакона лекарства.

— Это лекарство, ты что, за леденцы его принимаешь? — Цзян Шэнлинь положил серебряную вилочку. — Если действительно требуется лечение года на три или пять, то торопиться нельзя, нужно делать все постепенно.

Ли Суй покачал головой:

— Моя жизнь дорога только тебе.

— Не только мне, Сяо Инь тоже ею дорожит. Он только что вызвался раздобыть для тебя снадобья в самом императорском дворце, — ответил Цзян Шэнлинь. — Я видел, насколько он искренен, так что будь и ты с ним поприветливее впредь.

Ли Суй взял еще одну сладость, немного подумал, но есть не стал, а бросил обратно, после чего подхватил всю коробку и ушел.

Не получивший ни кусочка целитель сделал для себя горький вывод: впредь все хорошие вещи нужно прятать подальше. Ведь этот человек в последнее время вел себя так, словно в него вселился дух желтого хорька — все его поступки и манеры были настолько странными, что разгадать их не представлялось возможным.

На следующий день на восходе солнца роскошный и величественный караван усадьбы Чжу в лучах золотой зари торжественно пристроился в самый хвост колонны Альянса боевых искусств.

Вместе с ними появились и люди из Дворца Ваньжэнь. Хотя люди из цзянху побаивались Ли Суя, одна мысль о его присутствии грела им душу: по крайней мере, в ближайшее время бессмысленных и грязных междоусобиц поубавится, ведь никто попросту не посмеет их затеять. Так что его прибытию все были даже рады.

Золотая осень радовала прохладой. Чжу Яньинь всю дорогу ехал верхом на Чжао Юйшицзы. Статный, изящный и благородный, в белых одеждах на белоснежном коне, он двигался по горной тропе на фоне пылающей багрянцем листвы. Казалось, само небо и земля озаарились его присутствием.

Люди из боевых искусств были потрясены: неужели такова хваленая утонченность благородных родов Цзяннани?

Тань Шуцю тоже смотрел на него с восхищением, однако помнил о недавнем предупреждении и не смел навязываться. Вместо этого он изрядно поломал голову над письмом, запечатал его в тщательно подобранный конверт и попросил передать Чжу Яньиню.

Отряд остановился на отдых у придорожной чайной.

Войдя внутрь, Ли Суй сразу заметил лежащее на столе усыпанное золотой пудрой письмо. Такое роскошное и изящное, оно очень подходило этому щеголю в белоснежных одеждах.

Чжу Яньинь спросил:

— От кого это?

Слуга ответил:

— От молодого господина Таня из банды Цанлан.

Ли Суй: «...»

Оно тут же показалось ему крайне неприятным.

Чжу Яньинь не заметил сложных душевных метаний владыки дворца Ли. Он вскрыл конверт, бегло пробежал глазами строки и произнес:

— Пишет о том, что произошло после его возвращения в Альянс боевых искусств. Похоже, он благополучно избежал наказания.

Стоило главе банды Тань услышать, что те четверо отправились развлекаться с девицами, и лишь его собственный сын проявил благоразумие и вернулся, как он, конечно же, обрадовался. В конце концов, никому не хотелось держать в доме распутного бездельника и балабола, так что докапываться до сути он не стал.

Чжу Яньинь продолжил:

— Что касается Цуй Вэя, Лю Сияна, Чжао Хунху и Гэ Чанье, я позавчера просил брата Минчуаня приглядеть за ними. После того как они узнали о возвращении Тань Шуцю в банду Цанлан, в их сектах не произошло ничего подозрительного. Так что, полагаю, заколдованный лабиринт в сухом лесу был их собственной затеей, никак не связанной с их орденами.

Ли Суй заметил:

— Ты проявляешь большой интерес к делам боевых искусств.

«...» Прочитав столько приключенческих романов, он, конечно же, испытывал к этому интерес. Чжу Яньинь не считал, что сует нос в чужие дела, и твердо возразил:

— Раз уж мы держим путь на север, чтобы искоренить зло, сначала нужно выявить предателей. Я дружу с братом Минчуанем, да и Божественный целитель Цзян тоже идет с нами. Как я могу стоять в стороне и безучастно смотреть, пока Демонический культ плетет интриги и сеет раздор?

Ли Суй пристально посмотрел на него.

Чжу Яньинь тут же тихо и поспешно добавил:

— И помимо брата Минчуаня и Божественного целителя Цзяня, есть еще этот... Дворец Ваньжэнь.

Ли Суй усмехнулся:

— И ты не боишься нажать себе неприятностей?

Чжу Яньинь растерялся от этого непривычного вопроса.

Он мысленно перебрал несметные богатства своей семьи в Цзяннани, многочисленных дядей и братьев при дворе, а также раскинувшуюся сеть брачных союзов, связывающую воедино едва ли не все благородные дома Даюй, и скромно ответил:

— Ну, самую малость.

После воссоединения с Дворцом Ваньжэнь Вань Чжунь с облегчением заметил, что в рядах Альянса боевых искусств воцарился относительный покой. Прежние упрямцы, вспыхивавшие от любой искры, словно бочки с порохом, теперь притихли, уподобившись отсыревшим петардам: брось их в костер — и те не шикнут.

Чжао Минчуань пробормотал:

— Даже слишком притихли.

Чжу Яньинь сидел у костра и ворошил золу прутиком.

— Разве покой — это плохо? Почему ты считаешь, что это чересчур? — недоумевал он.

— Покой — это когда не дерутся между собой, а тут люди даже рта раскрыть боятся, — Чжао Минчуань понизил голос до шепота. — Кажется, владыка дворца Ли на тебя смотрит.

— М-м? — Чжу Яньинь обернулся.

Ли Суй отвел взгляд, поднялся с огромного валуна и пошел прочь, холодный и отстраненный, словно лед.

Чжу Яньинь: «...»

В этот момент подошел Чжу Чжан и принес две коробки с рисом и жареным мясом:

— Мы ночуем под открытым небом, так что разносолов нет. Молодой господин, молодой глава Чжао, перекусите пока чем бог послал.

Чжао Минчуань посмотрел на нарезанное тонкими ломтиками и все еще скворчащее жиром мясо дикого кабана в коробке и вздохнул:

— Разве это скромный перекус? Такое блюдо не стыдно подать и на пиру в Басяньлоу! Дядя Чжан, вы слишком добры.

— Приятного аппетита, брат Минчуань, — Чжу Яньинь взял вторую коробку. — Пойду навещу Божественного целителя Цзяня.

Чжу Чжан поспешно произнес:

— Целитель уже поел, молодому господину лучше...

Но не успел он договорить, как молодой господин уже умчался, и след его простыл.

Верный старый слуга со вздохом покачал головой: и почему в последнее время молодой господин все чаще куда-то убегает? Эх, цзянху...

Ли Суй в одиночестве шел мимо пылающих костров. Полы его черного одеяния поднимали легкий ветерок, заставляя снопы искр с тихим треском взмывать в ночное небо.

<http://bllate.org/book/18290/1754084>